

9 АПР 1980

АНКЕТА
ЛЕНИН
В МОЕЙ СУДЬБЕ

Фазу АЛИЕВА 2207

И СЧАСТЬЕ
НЕ ПОЗНАЛА БЫ ТАКОЕ...

ЕСЛИ БЫ я писала историю дагестанской советской литературы, то начала бы ее с песни о Ленине. Ленин первый пробудил истинно всенародное вдохновение и навсегда вошел в эпос народов.

На заре Советской власти, когда овеянное большой романтикой имя Ленина входило в сердца горцев в снежных цумадинских горах, в кумыкских степях, на даргинских плоскогорьях, в лезгинских садах, у дагестанцев рождались песни. Передаваемые из уст в уста и совершенствуемые, они наполняли горцев надеждой и уверенностью в светлом завтра.

Ты первый пришел
и людьми нас назвал,
Оружье победное
в руни нам дал,
И спрятались в щели
носители зла,
Как прячутся гуси
от крика орла,
— пели аварцы.

Ты с детства понял
тягости народа.
В Сибири, в тюрьмах был
закован годы,
Ты бедняков спасал
от непогоды,
Вставая грудью
на пути невзгоды,
— вторили им даргинцы.

Именем Ленина открылась новая эпоха в творчестве Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Абуталиба Гафурова.

Я буду честен до конца,
И волю Ленина-отца,
И славу скромного борца
Я пронесу сквозь жизнь
страны,

— заявляет Сулейман Стальский.

Голоса народных поэтов подхватили все поэты того поколения. Но они не спешили создавать большие полотна. Очень трудно сказать новое в ленинской теме. Образ этот слишком высок. Сто раз нужно проверить себя, прежде чем браться за его художественное воплощение. Случайная удача здесь невозможна. В песнях и стихах этого периода образ Ленина, вечно живого друга Дагестана, встает перед нами в возвышенном, романтическом ореоле. Он сильнее всех — герой, освободитель, друг, учитель, отец.

Новый этап в дагестанской Лениниане открыла поэма Расула Гамзатова «Горцы у Ленина». Эпическими и лирическими средствами воссоздает он образ Ленина, рассказывает о его любви и внимании к Дагестану, о беспредельной преданности горцев заветам вождя.

Во время пребывания дагестанской делегации в Кремле В. И. Ленин сделал много записей в своей записной книжке, которые остались не просто записями, а превратились в душевные заботы и дела.

Бедность в Дагестане была страшная, женщины не могли прикрыть свои тела — нечем было. Перед их выходом к роднику глашатай возвещал на весь аул: «Мужчины, идите по домам, женщины идут за водой!» И Владимир Ильич посылает в подарок Дагестану мануфактуру, медикаменты, оборудование для типографии. Начинается строительство канала, названного именем Октябрьской революции. А чуть позже в горах зажигаются лампочки, которые с большой любовью и признательностью и сейчас называют лампочками Ильича.

В стихах о Ленине пятидесятих — шестидесятых годов тема личной судьбы человека и тема исторической судьбы народа Дагестана органически переплетаются и развиваются как единое художественное целое. Революционная романтика осмысливается как романтика свободного созидательного труда.

К столетнему юбилею вождя поэты обратились к большим полотнам. Аткай Аджаматов пишет поэму «Ленин и мой сосед», Алирза Саидов — поэмы «Сердце Ленина» и «Перед Лениным». В этих поэмах эпический рассказ развивается неторопливо, поэтически величаво. Оглядываясь назад, чтобы измерить и оценить пройденный исторический путь, чтобы увидеть его грандиозность, авторы передают своему современнику художественные слитки фактов исторической важности из жизни Дагестана. В их лирических раздумьях воссоздается внутренний облик нашего передового современника, который по Ленину поверяет свои дела и помыслы.

Зрелость дагестанской литературы, ее глубокие борозды, полновесные колосья на каждом этапе истории связаны с образом В. И. Ленина.

Глубоко передает мысли всех народов Дагестана в своей миниатюре Ахмедхан Абу-Бакар: «В первые годы Советской власти... в Кубачах оказался один иностранный турист. Он с глубоким интересом и вниманием следил за работой мастера Уста-Тубчи, который в это время вырезывал на слоновой кости барельеф Владимира Ильича.

— Тонкая и очень кропотливая работа, — заметил иностранец, — и, наверное, несколько месяцев вы уже работаете над этим.

— Почти год, — не отрываясь от работы, ответил мастер.

— Тем более. А скажите, какую благодарность ждете вы за свою работу? — продолжал расспрашивать иностранный турист.

Уста-Тубчи обернулся к гостю, снял очки и, показывая на барельеф дорогого ему человека, сказал:

— Это я его благодарю!»

«Это я его благодарю!»... Разве не так ответил бы любой горец — землешаец, садовод, ковровщица, чьи руки оживили образ Ильича на ковре? Согратлинец, высекавший в камне дорогие черты Ильича? Разве не так ответил бы унцукулец, который оживил его в дереве, разве не так ответили бы мы, писатели, ощущающие на себе ежедневно, ежечасно ленинскую заботу нашей партии? Мы с душевным трепетом говорим о Ленине, о партии, о Родине. Но самое прекрасное слово еще впереди. Все новые и новые поколения поэтов будут обращаться к образу этого самого человеческого Человека.

Я высыхала б ленточкой
ручь
И счастье не познала бы
такое:
Стать не ручьем,
А сильною рекою,
Когда б не ум и мудрость
Ильича.
Я деревцем сухим стояла б
в поле,
Могучим лесом никогда б
не стала,
Когда бы не Ильич,
Своею волей
Сплотивший все народы
Дагестана.

МАХАЧКАЛА